Этот момент изменил меня. Он вернул меня к началу. Я думал, что смогу спасти их всех. Каждого. Но стоя там, на краю утеса, когда фиолетовое пламя, поглощавшее анклав, разрасталось, я понял правду. В мире не было безопасных мест, не было оплотов цивилизации. Каждая дорога, каждый город, каждый поселок — это взведенный арбалет, ожидающий выстрела. И на пути стрелы были обычные жители. Они просто шли по своим делам, пытаясь жить и выживать. Каждый раз, пытаясь что-то изменить, я рисковал не только своей жизнью. Это были их жизни. Если я отстану хоть на шаг, расплачиваться будут невинные.

И какую же высокую цену они заплатят.

Релир посмотрел на город. Его челюсть сжалась, глаза остекленели от шока. Затем он протянул светящиеся руки и призвал землю, вырезав гладкий участок скалы шириной в два фута в зазубренном выступе, расположенном под ним. Он спрыгнул. Через мгновение я последовал за ним, ветер обдувал мое лицо, пока я скользил вниз по склону.

Хотя сам анклав наверняка уже потерян, я должен был попытаться спасти семью Майи. Это было самое малое, что я мог сделать.

Я не высовывался, потеряв из виду Релира. Город был наполнен криками и звуками битвы. Шальные заклинания взмывали вверх, образуя многоцветное световое шоу, покрывая шрамами и отметинами окружающий купол. Черные, кошмарные демоны из дыма со светящимися глазами неслись по крышам и прыгали на бегущих жителей, разрывая их на части.

Мое внимание привлекла знакомая огромная фигура красного инфернала. Казикас успел наполовину скрыться под повозкой, прежде чем его настигли. Они даже не потрудились вытащить его оттуда — просто перебили ноги у колена и двинулись дальше. Судя по ярко-красному цвету артериальной крови, он быстро истек кровью. Рот его был открыт, очки разбиты, некогда добрые глаза пусты.

Я недавно видел его в то утро.

Пусть мертвые проплывают мимо как вода в реке, лишь бы ты не утонул вместе с ними.

Из укрытия я наблюдал, как группа демонов, объединившись, теснит группу инферналов к одной из многочисленных отвесных скал. Инферналы отчаянно сражались, произнося заклинание за заклинанием, элементальный огонь и электричество устремлялись к демонам. Но на демонах были странные мерцающие защитные заклинания, которые, казалось, достаточно легко поглощали поступающие атаки. Демоны продолжали методично продвигаться вперед. Медленно, один за другим, инферналы срывались с обрыва, как камни при сходе лавины.

Я хромал по опустошенным улицам, смутно направляясь к дому Майи. Большая часть насилия уже прошла через входной квартал. На улицах валялись трупы. Некоторые из них горели фиолетовым пламенем. Откуда оно взялось? Почему это происходит именно сейчас?

Мое внимание привлекло легкое движение. Маленькая девочка, покрытая сажей, забилась в неглубокий переулок, лицо ее исказилось от страха.

Я направился к ней, медленно приближаясь. Она отпрянула от меня.

— Ты ранена? — спросил я.

— Ты вернулся, чтобы убить и меня? — спросила она, ее щеки были испачканы сажей, а в белых глазах плескался страх.

Что? — Я покачал головой, не понимая. Девушка была в шоке. Это было единственное, что имело смысл.

Что-то упало на крышу соседнего здания с сильным стуком. Я схватил ее, закрыв ей рот рукой, и прижался спиной к стене, натягивая плащ на голову и пытаясь спрятаться в тени. Сверху донеслось тихое шипение, и я вздрогнул.

Неестественно длинные пальцы — чернее самой темной ночи, заканчивающиеся острыми иглами, вцепились в край крыши, когда что-то высунуло голову, чтобы посмотреть на нас. В его глазах была чистая, пылающая злоба, а маленькие усики, заменяющие волосы, парили под ним, как будто на них лишь частично действовала гравитация. Маленькая инферналка поцарапала мне руку, оставив кровавый след, а затем отпрянула от меня. Я схватился за нее с запозданием всего на мгновение, зажмурившись, когда она закричала и побежала по переулку.

Тварь наверху сбила черепицу и бросилась вслед за ней. Я выхватил меч и бросился следом, но было уже поздно. Я остановился в ужасе, когда оно приземлилось перед ней, его темные острые пальцы удлинились и полоснули по всему телу.

Раздалась серия ударов, и она упала на землю, один кусочек за другим. Демон гоготал от восторга.

Я повернулся и побежал, проклиная свою неудачу и обманывая себя, что еще одна жизнь не имеет значения.

— Кэрн? Кэрн.

Я содрогнулся от мгновенного замешательства. Гюнтер просил меня о чем-то, но я пропустил это. — Передай мне лист Этсома, сынок.

В «Аптеке Грея» в начале дня было много народу, и мне нечем было заняться, так как я ждал, пока Лилиан собирается. Я открыл банку и выбрал приличный на вид экземпляр — лист был желтым круглый год, с кобальтовыми прожилками и передал ему. Он раскрошил лист в ступке пестиком, его серебристый локон покачивался, пока он перемалывал содержимое.

Я оглядел магазин. За последний год он сильно изменился. Когда я впервые ступил на порог аптеки, большая часть оборудования была изношена и потрескалась, прилавки деформировались и пожелтели. Но он хорошо распорядился деньгами, которые я дал им за свое пребывание, а также дополнительными инвестициями, сделанными мной позже. Алхимическое оборудование стало самым совершенным, в комплекте с набором стеклянных колб и мензурок, заменивших глиняные. Качество лекарств, конечно, повысилось, но не настолько, как можно было бы ожидать; Гюнтер был волшебником во всем, кроме буквального определения, мастером создания превосходных смесей в неблагоприятных условиях. В основном, наличие лучшего оборудования просто помогало увеличить объёмы.

— Что-то ты сегодня тихий, — заметил Гюнтер. Он начал долгий процесс очистки порошка в жидком растворе.

— У меня много забот, — сказал я.

— Ну, собираешься всё рассказать, или так и будешь сидеть здесь, весь такой загадочный?

Я рассмеялся. У Гюнтера был талант проникать под мою защиту, и, несмотря на мой статус, он, похоже, никогда не видел во мне кого-то большего, чем просто контуженного мальчика, подобранного его дочерью на улице.

— Просто планирую будущее. Не хочу заставлять ее ждать дольше, чем нужно. — Мое намерение представить Лилиан как знатную особу из далекой страны начало воплощаться в жизнь, но оставалось еще много организационных проблем. По сути, не было никакого способа сделать задуманное, не потратив много денег, что для меня не имело большого значения, но нужно было убедиться, что траты не привлекут внимания отца.

— Я благодарен тебе за то, что ты сделал из моей дочери порядочную женщину. — Гюнтер посмотрел на меня. — Но судя по ее словам, мне кажется, что вы немного торопите события.

— Честно говоря, лучше ускорить события. Чем быстрее все будет готово, тем меньше вероятность того, что мой отец сможет воспрепятствовать браку. Хотя, честно говоря, сомневаюсь, что он помешает. Как правило, его мало интересуют мои дела.

Гюнтер с раздражением посмотрел на меня.

Я прочистил горло. — Ладно, возможно, это не лучший выбор слов.

Гюнтер мыл руки в раковине, поглощенный своим занятием. — Я не могу говорить за твоего отца, Кэрн, но ты сделал все возможное для нас, и даже сверх того.

— Это естественно.

Гюнтер покачал головой. — Это не так, и думаю, ты это знаешь. Лилиан не любит говорить об этом, но в детстве она часто болела. — Его взгляд стал остекленевшим. — Столько раз она была на грани смерти. Если бы я был кем-то другим, а не аптекарем, то, скорее всего, потерял бы её. Мне трудно доверить ее кому-то другому. Но когда смотрю на тебя, сынок, я до глубины души понимаю, что в конце концов так будет лучше для нее.

Раздался скрип половиц. Лилиан была готова.

Я хлопнул Гюнтера по плечу. — Мы скоро вернемся.

Спустя месяцы я вспоминал этот момент и плакал.

Я наконец добрался до места, которое последние шесть месяцев называл своим домом, и желудок скручивало, чем ближе я подходил к нему. Оставался шанс, что все в порядке: они просто погасили лампы, спрятанные в одной из комнат наверху. Я соберу их, приведу к вратам, и мы выберемся во внешний мир.

Там придумаем план, как вытащить Майю из Святилища. Кильвиус взъерошит мне волосы и скажет, какой же я дурак, что так переживал за них. Неттари будет подкалывать меня, говоря, чтобы я перестал так нервничать, и читать нотации за пренебрежение учебой. Честно говоря, с моей стороны было немного эгоцентрично предполагать худшее. Конечно, с ними все будет хорошо. Они прожили всю свою жизнь без меня и вырастили троих детей. С какой стати им нужно, чтобы я их спасал?

С ними всё хорошо.

Дверь была широко распахнута, внутри царила кромешная тьма.

С ними всё хорошо.

Кто-то переступил порог.

С ними всё хорошо.

Я спрятался за перевернутой телегой, пытаясь разглядеть фигуру в темноте.

Человек вышел из темноты, знакомый клинок свободно покачивался у него на поясе.

Это была не Тота.

Это было гораздо хуже.

Сходство было абсолютным. Человек моего роста, с моим телосложением, с моим лицом вышел из темноты. Его мантия — мантия, идентичная традиционному инфернальному одеянию, пропиталась кровью. Но глаза были пустыми и бездушными.

Вдалеке кто-то закричал. Он повернул голову в ту сторону и понесся на крик, двигаясь совершенно бесшумно. Я подождал мгновение, а затем бросился к дому, молясь любому богу, который мог бы его услышать, чтобы я не опоздал, хотя уже знал, что опоздал.

— Бармен? Еще по одной? — пьяно пробормотал я. Грузный мужчина за стойкой вздохнул с многострадальным видом и наполнил мою кружку. Я опустил золотой прут в банку для чаевых. Деньги не имели значения для меня. Ничто не имело значения. Больше ничего. Жидкость потекла в кружку, поднимаясь к краю, потом кружку толкнули в мою сторону, и я зарылся в нее лицом, зрение уже давно превратилось в размытое пятно.

Бармен начал менять Отерон на что-то намного дешевле, но это не имело значения. Пока он обслуживал меня, золото продолжало притекать. Если к концу ночи мой кошелек опустеет, это будет означать лишь уменьшение моего веса.

Вся комната накренилась, как рубка корабля во время шторма, и я ухватился за стойку, пытаясь удержаться на стуле.

Кто-то дотронулся до моей руки. Несомненно, еще один человек, посланный проводить принца обратно в замок. Может быть, если я буду полностью игнорировать их присутствие, они уйдут быстрее.

Все разговоры в таверне прекратились. Лицо бармена, некогда раздраженное и двусмысленное, осунулось и побледнело, тряпка, которой он протирал стойку, зависла в воздухе.

Мой отец стоял там, облаченный в простые регалии, его рука крепко сжила моё плечо.

— Смотрите все, это Добрый Король Гил! — пошутил я. Его серые глаза стали еще холоднее. — Кто-нибудь, позовите сюда принцесс, сегодня здесь будет королевский семейный ужин. Угостить вас?

— Я здесь не для твоих подростковых глупостей. — Он зарычал, явно разъяренный, но не желая обострять ситуацию на публике. В конце концов, это не придаст ему солидности.

— Тогда чем я могу помочь? — сказал я, мой рот исказился от желчи. — О. Я сделал для вас подробный отчёт о похоронах. Поскольку, знаете, вы не смогли прийти.

— Правда? И поэтому ты пренебрегаешь уроками и ведешь себя как избалованный ребенок? Это было больше месяца назад.

Резкость слов пронзила пелену опьянения как нож. Широко раскрыв глаза, я уставился на него в недоумении. Неужели она действительно так мало значила для него?

Не понимая, что делаю, я отвел руку назад и нанес удар кулаком, целясь ему в нос.

Он легко поймал мою руку, вывернул ее за спину и так сильно дернул вверх, что она едва не сломалась. Затем, как обычного заключенного, он вывел меня из бара. Никто ничего не сказал. Они не осмелились.

Отец подхватил меня за пояс брюк и бросил лицом вперед в поджидающую карету. Я приземлился с глухим стуком, закрыл глаза, тошнота то появлялась, то исчезала, как океанские приливы и отливы.

— Вставай, — сказал он, в его голосе звучало отвращение.

Со значительным усилием я забрался на сиденье, устроившись на противоположной стороне и в противоположном углу от него, буквально настолько далеко, насколько это было возможно. То, что он сказал, пожирало меня.

Уже минуло больше месяца как она ушла.

— Ты когда-нибудь любил мать? Хоть немного? — спросил я таким тихим голосом, что не был уверен, услышит ли он его.

— … Она была моей женой.

— Ты никогда не навещал ее. Или не приходил к ней, когда ей стало хуже. Она звала тебя, так много раз.

— Напрасные усилия, порожденные излишней сентиментальностью.

Мои руки сжались в кулаки. — Нет. Нет, это чушь. Ты не такой гребаный карикатурный человек, каким притворяешься. Никто не бывает таким равнодушным.

— Не все такие мягкие, как ты, мальчик.

Я вскинул руки в знак согласия. — Знаешь что? Ты прав. Я не знаю, почему пытаюсь найти для тебя оправдания. Ты и пальцем не пошевелил. Кто тратит последний год жизни своей жены на драки с эльфами?

Мой отец ударил кулаком по стенке кареты. Дерево треснуло. — Не говори о том, в чем не

разбираешься.

— Тогда объясни мне, — сказал я, — я весь во внимании.

Отец разразился потоком слов. — Я пытался спасти ее, имбецил! — Я попятился назад, но раз уж он начал, то не собирался останавливаться. — Эльфы известны своими целителями, и ты мог бы с этим согласиться, если бы не был так занят, жалея себя.

— Я…

— Заткнись, — прорычал он. — Да, я вел войну. Нарушил клятву. Я выслеживал их так называемых целителей, угрожал им, разрушал их деревни. Но это не имело значения. Низшие расы не прислушиваются к голосу разума. Каждый из них скорее умрет, чем хоть пальцем пошевелит, чтобы помочь твоей матери. И они умерли. — Его взгляд пронзил меня, обжигая. — Не смей возлагать вину на меня. Если ты хочешь обвинить кого-то, обвини себя.

Я вздрогнул. — Что?

— Ты. Ничего. Не сделал. — Эти слова поразили меня сильнее любого удара. — Думаешь, ты помог, находясь там? Держа ее за руку и притворяясь, что твои усилия, твое лепетное сочувствие, твой вымученное сострадание хоть что-то изменили?

— Без меня она была бы…

— Что? — прорычал мой отец. — Мертвей? Я уверен, она черпала утешение в твоих словах, пока мана иссушала ее тело. Конечно, она успокаивала себя только твоими страданиями.

Отец откинулся на подушку, гнев сменился привычным разочарованием. — Всегда есть кого винить, мальчик. Люди будут ублажать твои уши. Скажут, что это не твоя вина. Что ты больше ничего не мог сделать. Они лгут.

— Ты… — Я остановился. Потому что где-то на задворках сознания прозвучала правда. Она пронзила меня до глубины души.

Он был прав.

— Всегда есть что-то еще, что можно было бы сделать.

Я стоял, дрожа, в дверном проеме, моя тень была длинной и протянулась через всю комнату. Сцена развернувшееся перед моими глазами, была окрашена кровью. Дверь не была взломана. Кильвиус открыл ее добровольно. Человек с моим лицом вошел, выхватив меч, и рубанул Кильвиуса по спине. Он повернулся и в панике вскинул руки, пытаясь защититься. Но нападение было слишком неожиданным.

В конце концов, они доверяли мне.

Его руки были изрешечены ранами, полученными при попытке защититься. Часть стены была разрушена в том месте, где Неттари бросилась в бой, пытаясь отбиться от нападавшего. За свои усилия она получила удар ножом в грудь. Их лица застыли в искаженных кровавых масках боли и растерянности.

Джорра лежал на земле лицом вниз, жестокий порез разорвал его рубашку и обнажил позвоночник. Он видел, что случилось с его родителями, и пытался убежать.

Всегда есть что-то еще, что можно было сделать.

Я всхлипнул.

— Нет. Пожалуйста, нет. — Я повторял это снова и снова, глядя на эту ужасную картину, холодные нити здравомыслия тянулись к моему черепу и извивались, пытаясь что-то вытащить.

Конечно, кого-то не хватало.

Я медленно поднялся по лестнице, сердце колотилось, в нутре нарастала тошнота. Тот же голос, что и раньше, шептал и предлагал убежать. Может быть, они пропустили его. Возможно, это единственное, что я могу спасти.

Я вошел в комнату Агарина. И что-то внутри меня оборвалось.

Он был…

Они…

Его лицо…

Я наклонился к люльке и погладил его лоб тыльной стороной ладони. Маленькие колечки волос покачивались под моим прикосновением. Я осторожно взял маленькое голубое одеяльце и накрыл его.

— Жаль, что мы так и не закончили эту историю, малыш. — Мой голос сорвался.

Она сказала, что если сэр Гентри правильно ответит на один вопрос, то она откроет ему секрет волшебной стали пикси.

Вопрос был такой: Что такое справедливость?

То, что во мне сломалось, начало разгораться. Тепло залило мою грудь, руки, зрачки глаз. Ярость вырывалась из меня словно шторм. Я позволил ей заполнить меня, поглотить и вырваться из меня. Строительные кубики и игрушки кружились вокруг, под ногами трещали половицы.

Все окна в доме разбились вдребезги.

Разбитое стекло пронзило ладонь, когда я выпрыгнул в окно. Но это не имело значения. Я упал на руки и колени, оставив на земле брызги крови. Воздух в переулке сжался, а затем взорвался, бросив меня вперед. Я помчался по улицам анклава. Ветер выл позади, подгоняя меня, позволил мне бежать быстрее, чем я мог бы без него.

Два низших демона в форме гоблинов преградили мне путь, и я поднял руку, скривив губы, поднял их порывом воздуха и впечатал в стену соседнего дома с сокрушительным треском.

Меня волновали только две цели: Гемон и монстр, носивший мое лицо. Я упивался яростью, позволяя ей смыть чувство вины и сожаления.

Я был настолько поглощен мыслями, что не заметил, как по крышам параллельно мне бежит большой демон, и лишь на мгновение увидел размытое движение, прежде чем демон повалил меня на землю, длинные когти пронзили мое тело.

Было больно.

Но больше всего я чувствовал облегчение.

Наконец, темнота забрала меня.

Вновь.

— Она вернется раньше, чем ты успеешь это понять, — сказал кто-то. Я вдохнул и огляделся вокруг, полностью дезориентированный.

Где я был?

Когда?

Это место на мгновение сбило меня с толку. Это было менее чем в квартале от того места, где я только что умер. Искусственное солнце над головой больше не было тусклым и багровым, вместо этого оно излучало теплый свет. Я закрыл глаза и окунулся в него, позволяя теплу омыть меня.

Подумал о Майе. О доверии в ее глазах, когда она попросила меня позаботиться о ее семье.

Нельзя было сдаваться.

Поэтому вместо этого я искал гнев. Натянул его на себя, как плащ, позволяя стереть мой страх.

— Кэрн задумался, — пошутил Кильвиус.

Я открыл глаза. Джорра отпихивал руку отца и смеялся, когда Кильвиус пытался ущипнуть его за щеку. Неттари держала Агарина на руках и с беспокойством в глазах смотрела на меня. Последний раз мы были все вместе после того, как Майя ушла в святилище. Почти месяц назад.

У меня был месяц.

— Ты в порядке? — спросила Неттари.

Я протянул руку и посмотрел на нее. На мгновение она задрожала, потом замерла, стала неподвижной. Твердая.

— Кэрн?

Моя маска скользнула на место с мысленным щелчком. Напряжение ушло с плеч, и я непринужденно улыбнулся. — Просто наслаждаюсь погодой. Сегодня новый день. Позвольте мне дать вам передышку. — Я взял у нее Агарина и подбросил его в воздух. Он хихикал и лепетал. Потом я взял его на руки и пошел дальше, шутя с Джоррой о том, кому достанется комната Майи, пока ее не будет.

Но внутри меня пылала холодная ярость, и колесики разума завращались.

http://tl.rulate.ru/book/77890/2444913